

Часть первая

В Бангкоке стоял сезон дождей. В воздухе постоянно висела водяная пыль. В потоках яркого солнечного света порой тоже плясали дождевые капли. На небе, даже когда облака плотно закрывали солнце, где-нибудь обязательно проглядывала ослепительно сиявшая голубизна. Ни с чем не сравним был тот пепельно-мрачный цвет, которым наполнялось небо в ожидании ливня. Зыбкая мгла окутывала ряды низких домов, среди которых повсюду были разбросаны зеленые кокосовые пальмы.

Название Бангкок, буквально «город олив», столица получила в эпоху династии Аютия, когда здесь росло множество оливковых деревьев; было и еще одно старинное название — «город ангелов». Все сообщение в городе, лежащем практически на уровне моря, осуществлялось по каналам. На самом деле это были рвы, оставшиеся после строительства дороги, потом они превратились в реки. После возведения домов, для чего тоже насыпалась земля, образовались пруды. Из прудов вода естественным образом перетекала в речушки — и возникла сеть так называемых каналов, и все они стремились к матери воды — реке Менам, которая в лучах солнца казалась то светло-, то темно-шоколадной, совсем как кожа здешних жителей.

В центральной части города стояли трехэтажные здания европейского типа с балконами, там, где

селились иностранцы, было много кирпичных домов в два-три этажа, но деревья на улицах, сообщавшие этому городу особую прелесть, во многих местах при реконструкции улиц были вырублены и пошли на мощение дорог. В сохранившихся аллеях акации нависали над дорогой, преграждая путь лучам палящего солнца, и черным кружевом расстилали тень; после ливня, сопровождавшегося раскатами грома, поникшие от жары листья оживали и бодро распрямлялись.

Оживленностью Бангкок напоминал некоторые города Южного Китая. По улицам сновали двухместные трехколесные тележки с откинутым в сторону пологом, иногда проводили буйволов с полей в окрестностях Банкаппи — на их спинах сидели вороны; в глаза бросались черные лоснящиеся пятна — это блестела кожа нищих, больных проказой. Вокруг бегали абсолютно голые мальчишки, девочки были прикрыты по бедрам повязками с золотым шитьем. На утренних базарах продавались диковинные цветы и фрукты. В китайском квартале в лавках золотых дел мастеров горели огнем цепи из чистого золота, закрывая прилавки, будто бамбуковая штора.

Однако с наступлением ночи город оказывался во власти луны и звезд. Кроме гостиниц, имевших свое электроснабжение, только дома приобщившихся к цивилизации богачей кое-где освещали улицы города праздничным светом. Большинство жителей пользовались керосиновыми лампами, жгли свечи. В низких домишках, тянувшихся вдоль реки, семьи проводили вечер при единственной свече, горевшей перед статуэткой Будды, и за бамбуковой шторой в глубине дома призрачно поблескивала позолота.

Перед Буддой курилась, распространяя аромат, толстая бурая свеча. Дрожащие блики, которые бросали на воду огоньки свечей, горевших в домах на другом берегу реки, порой заслонялись силуэтами проплывавших суденышек.

В прошлом году, 15-м году Сёва¹, название страны — Сиам было изменено на Мыанг Тай, в европейских документах — Таиланд.

Бангкок называли Восточной Венецией, но вряд ли исходили при этом из внешнего облика столь несопоставимых по размеру и архитектуре городов. Причин для такого сравнения было две: во-первых, водное сообщение по многочисленным каналам и, во-вторых, огромное количество храмов. В Бангкоке их было семьсот.

Словно разрывая зелёный покров, возвышались надо всем башни — неперенный атрибут буддийского монастыря; на них ложились первые блики рассвета, и на них до последнего держались лучи заходящего солнца, все время, пока светило солнце, башни причудливо меняли цвет.

Храмы обычно были небольшими, но в девятнадцатом веке Рама V, Великий император Чулалонгкорн, построил Ват Бэнчамабопитт — Мраморный храм — великолепное современное архитектурное сооружение.

Нынешний правитель — Рама VIII, его величество Ананда Махидон, вступил на престол в 10-м году Сёва², в возрасте одиннадцати лет, и сразу же отправился учиться в Швейцарию, в Лозанну. Сейчас ему исполнилось семнадцать, но он по-прежнему прилежно одолевал науки за границей. В его отсутствие

¹ 1940 год.

² 1935 год.

неограниченную власть получил премьер-министр Руан Пибун, который лишь формально консультировался с регентами. Должность регентов имели двое. Его высочество принц Атитт Апа являлся таковым номинально, фактически же регентом был Приди Паномионг.

В свободное время его высочество принц Атитт Апа, будучи ревностным буддистом, часто посещал расположенные в разных местах храмы и как-то вечером специально отправился в Мраморный храм.

Храм находился рядом с маленькой речушкой, от нее шла аллея акаций — дорога к Накхонпатому.

Ворота, которые охраняли две каменные лошади, украшала напоминавшая сверкающий кристалл корона в стиле древних кхмеров, рыжие от ржавчины створки ворот были распахнуты. Слева и справа от вымощенной каменными плитами дороги, ведущей прямо к храмовому залу, на сиявших изумрудной зеленью газонах стояли две беседки с башенками, построенные по образцу древнеяванских. На газонах цвели подстриженные под шар невысокие деревья, на крышах беседок на языках пламени танцевали белые львы.

Колонны из белого индийского мрамора на фасаде храма, стоящие на страже два мраморных льва, по-европейски низкий каменный парапет — все это, как и мрамор стен, отражая лучи заходящего солнца, просто слепило. Однако то был всего лишь белый холст, предназначенный подчеркнуть роскошь нанесенных на него золота и киновари. Арки типично готических окон с внутренней стороны оживлял красный цвет и окружало пламя сверкающей позолоты сложных узоров. И на белых колоннах фасада в венчавших их украшениях блестело золото свя-

ценных змей, обвивавших колонны, скаты крытых красной черепицей крыш окаймляли поднявшие голову золотые змеи, и везде на коньках крыш, словно острый носок женской туфельки, которым ее хозяйка стремилась достать небо, тянулись вверх, рассекая золотом глубокую синеву, напрягшиеся змеиные хвосты. Золото неярко сверкало в лучах тропического солнца, оттеняя белизну оперения голубей, резвившихся на крыше.

Однако, когда небо начинало грустнеть и потревоженные белые голуби вспархивали, они делались черными как сажа. Будто пламя золота, бесконечно умноженное в украшениях храма, начинало коптить.

Кокосовые пальмы во дворе храма застыли в немом изумлении, похожие на фонтаны, выбрасывающие брызги зелени.

Растения и животные, металл, камень, красная охра — все мешалось, плавилось, кружилось в лучах яркого света. Мраморная грива огромных белых львов, охранявших вход, напоминала подсолнухи. Плотно сидевшие в широко распахнутой пасти зубы — семечки, а дышащая злобой морда — сам цветок подсолнуха.

«Роллс-ройс» его высочества принца Атитта Апа остановился у ворот храма. Мальчишки в красной форме — военные музыканты, уже выстроившиеся с двух сторон вдоль приютивших беседки газонов, — надувая смуглые щеки, затрубили в горны. Их красная одежда отражалась в начищенных инструментах. Какая гармония с миром, освещенным тропическим солнцем!

Стражник в белой одежде с красным поясом раскрыл над головой Атитта Апа зонт цвета травы

и двинулся следом. Его высочество, в белом мундире с орденами, вошел в храм, его сопровождали отмеченный синим поясом камергер, который раздавал милостыню, и десять телохранителей.

Так было заведено, что посещение его высочеством храма продолжалось около двадцати минут. В течение этого времени сопровождавшие ожидали на газоне под яркими лучами солнца. Вскоре в помещении зазвучали струны, их звуки смешались с ударом гонга; стражник, держа в руках зонт, увенчанный изящной золотой башенкой, стоял у входа, а четыре телохранителя в головных уборах, закрывавших, как у монахов, затылок, выстроились на ступенях храма. Заглянуть внутрь помещения было нельзя, но от дверей, где солнце просто слепило, можно было разглядеть мерцавшие в полумраке свечи, различить голос, читавший сутру. Звуки струн длились недолго — раздался гонг, и музыка смолкла.

Стражник, раскрыв зонт, почтительно укрыл от солнца вышедшего из храма Атитта Апа, телохранители отдали честь саблями. Его высочество быстрым шагом вышел из ворот и сел в «роллс-ройс».

Вскоре провожавшие принца разошлись, ушел и отряд музыкантов — в храме наступил час вечернего отдыха. Монахи в шафрановых одеяниях, оставивших открытым правое, коричневое плечо, вышли на берег реки; одни читали, другие беседовали. По реке плыли увядшие красные цветы, гниющие плоды, в воде отражались росшие на другом берегу акации и причудливые вечерние облака. Солнце зашло за храм, трава потемнела. Вскоре в сумерках выделялись только белеющие мраморные колонны, львы и стены.

Или, например, Ват По.

На территории этого храма, к возведению которого в конце восемнадцатого века имел отношение король Рама I, людям приходилось буквально продираться между возникавшими одна за другой башнями и ступами.

Жгучее солнце. Синь неба. И огромные, словно ноги бредущего белого слона, колонны храмовой галереи.

Башни были украшены мелкими, отражавшими солнце глазурованными плитками. Большую, лилового цвета башню делила на ярусы мозаика лазурного цвета: из бесчисленных плиток на лилово-алом фоне сплетался узор из желтых, красных, белых лепестков, и казалось, тут поставили огромный свернутый персидский ковер из фарфора.

А рядом — башня изумрудного цвета. По стершимся каменным плитам, которые словно молотом сокрушает солнечный свет, пошатываясь, бредет недавно оценившаяся сука, волоча персиковые, с черной точкой снизу соски.

Огромный золотой Будда, возлежащий на алтаре, доверил свои крутые, густые, словно лесная чаща, завитки волос изголовью в синей, белой, изумрудной и желтой мозаике. Золотой рукой он подпирает голову, а в противоположном конце темного помещения, где-то там, поблескивает желтая пятка.

На подошвах ног Будды — изумительная инкрустация, где черный перламутр, переливающийся всеми цветами радуги, складывается в узор и картины, рассказывающие о деяниях бога: тут пионы, раковины, скалы, буддийская утварь, цветы лотоса,

растущие из болота, танцовщицы, чудо-птицы, львы, белые слоны, драконы, лошади, журавли, фазаны, корабль с тремя парусами, тигры, птица феникс.

На распахнутый прямоугольник окна больно смотреть: он горит, словно начищенная медная доска. Под липами проходят монахи — смуглое правое плечо обнажено, одежда светится оранжевым цветом.

Снаружи такой зной, словно воздух охвачен пламенем. К застоявшейся воде пруда, покоящегося меж башнями, тянут свои бесчисленные корни блестящие зеленые кусты. Кусок скалы на острове, где собираются голуби, окрашен в синий цвет, на нем нарисована огромная бабочка, на вершине, как дурная примета, — черная башенка.

Или охраняющий дворец королей Ват Пракео — храм, известный благодаря своей главной святыне — Изумрудному Будде.

Построенный в 1785 году, он с тех пор ни разу не подвергался переделкам.

Вверху мраморной лестницы, по обе стороны которой стоят золотые башни, даже под дождем сверкает позолота фантастической фигуры женщины-птицы. Промытые дождем киноварь черепиц и зелень обрамления крыш блестят еще ярче.

Извиваются стены галереи Махамандапа, заполненные бесконечно тянущимися сценами из «Рамаяны».

Везде на картинах присутствует славный сын бога ветра бог Хануман с ликом обезьяны. Вот страшный демон похищает смуглую, сверкающую белоснежными, словно лепестки жасмина, зубами красавицу Ситу. Отчаянно сражается в бесчисленных

битвах Рама, его широко распахнутые глаза являют миру мудрый взор.

Изображенные в технике южной китайской школы живописи горы, светлый фон, типичный для ранней венецианской школы, а на переднем плане красочные дворцы, бог обезьян, армия чудовищ. Над темной водой горных рек летит на сказочной птице бог — он весь в радужных тонах. Лошадь в черной попоне, вставшую на дыбы, умиряет кнутом человек в золотой одежде. Из моря вытянуло шею невиданное чудище — оно пытается наброситься на войско, которое движется по дамбе, построенной армией обезьян. Вдали голубое озеро, а Хануман, выгавкав меч, подбирается из чащи к белой лошади под золотым седлом, бредущей в тени темного леса.

* * *

— Вы знаете, как звучит официальное название столицы — Бангкок?

— Нет, не знаю.

— Вот, послушайте.

Сопровождавший Хонду переводчик произнес длинную фразу.

— И что же это значит?

— Это практически невозможно перевести. Это как украшения на здешних храмах: зачем-то позолоченные, зачем-то тщательно вырезанные — украшения ради украшения. Выбрали всякие пышные слова и просто нанизали их, как ожерелье: «столица», «девятицветный алмаз», «великий город», «благодатный». Тут, когда подданному надо просто отозваться на обращение его величества короля, бюро-

краты обязывают его отвечать так. — И переводчик воспроизвел какое-то выражение. — Это что-то вроде «я ваш почтительно преданный, робкий слуга».

Хонда, откинувшись в плетеном кресле, отвлекшись от забот, с интересом слушал рассказы Хисикавы.

Компания «Ицуи» приставила к нему в качестве гида-переводчика этого, похоже, неудавшегося художника, который знал все на свете, но порой манкировал своими обязанностями. Хонда, которому исполнилось уже сорок семь лет, подумал, что в такой жаркой стране перепоручить дело кому-то другому значило просто возвеличить себя.

Хонда прибыл в Бангкок по приглашению компании «Ицуи». Компания вела торговые переговоры в Японии, и контракт был заключен на основе японского законодательства, но потом уже в Таиланде начались жалобы, возникли судебные споры, и при обращении в соответствующие инстанции появились проблемы, связанные с международным гражданским правом. В Таиланде адвокаты не знали японских законов. В таких случаях часто приглашали авторитетных адвокатов из Японии, и те помогали в судебных делах, подробно разъясняя ситуацию с точки зрения японского законодательства.

Компания «Ицуи» в январе этого года поставила в Таиланд сто тысяч упаковок жаропонижающего средства карос, однако в тридцати тысячах упаковок таблетки отсырели, изменили цвет, лекарство потеряло свои лечебные свойства. При этом указанный срок действия еще не истек. С точки зрения гражданского права инцидент следовало рассматри-

вать как невыполнение договорных обязательств, а в Таиланде в суде дело представлялось как уголовно наказуемое мошенничество. По 715-й статье гражданского права компания «Ицуи» должна была нести материальную ответственность за дефект продукции, поставленной фармацевтической фирмой-подрядчиком, и для решения подобного рода проблем, связанных с международным правом, была просто необходима помощь такого высококвалифицированного адвоката, как Хонда.

Хонде предоставили прекрасный номер с видом на реку Менам в лучшем отеле Бангкока. Название отеля «Ориенталь» здесь произносили как «ориентен». В комнате с потолка посылали ветер крыльях большого белого вентилятора, но намного приятнее было выйти вечером во двор гостиницы и там на берегу реки ловить легкую прохладу речного ветра. Перед ужином, наслаждаясь аперитивом вместе с навещавшим его Хисикавой, Хонда слушал рассказы своего гида. Пальцы, держащие ложечку, наливались тяжестью и ленью, но поддерживать беседу значило думать, а это было еще тяжелее, нежели поднять посеребренную ложечку.

Солнце зашло: оно скрылось за лежавшим на другом берегу реки храмом Ват Арун — храмом Утренней Зари. Однако широко разлившаяся по небосклону вечерняя заря очертила силуэты высоких башен и затопила огромное небо над зарослями кустарника, казавшимися бескрайней равниной. Зелень джунглей, словно вата, впитала свет и стала изумрудной. По реке сновали сампаны, вода словно цеплялась за грязно-розовый цвет, кругом было множество ворон.

— Всякое искусство напоминает вечернюю зарию, — произнес Хисикава.

Как обычно, перед тем как изложить свою теорию, он сделал паузу и следил за реакцией слушателя. Эта многозначительная пауза Хонду раздражала куда больше, чем болтовня собеседника.

Смуглые щеки делали Хисикаву неотличимым от тайца, но на теле кожа была совсем не такой, как у местных жителей, а мучнисто-белой и дряблой. Освещенный в профиль последними лучами заходящего солнца, он повторил:

— Искусство — это грандиозный закат. Все как в древности, когда прекрасное, сжигая, приносили в жертву. В этой бессмысленной красочности заката исчезнет разум, долго существовавший при свете дня, и неожиданно обнаружит свой конец история, считающаяся вечной. Ведь красота, заслонив взор, сделает всякое человеческое занятие бессмысленным. Когда видишь это великолепие, эту сумасшедшую гонку облаков, то сразу выцветают мечты о «лучшем будущем» и прочем вздоре. Важно только то, что происходит сейчас, когда воздух отравлен цветом. Что имело свое начало? Ничто. У всего есть только конец.

Закат не несет никакого смысла. В ночи же есть суть. Это — космос, смерть и неорганическое существование. И день тоже имеет смысл. Ведь все человеческое принадлежит дню.

А в чем смысл вечерней зари? Да такого понятия нет. Это просто игра природы. С разнообразием формы, света, цвета — бесцельная, но серьезная игра. Посмотрите вон на ту лиловую тучу. Природа редко устраивает такое пиршество цвета. Облака презирают симметрию. Но это нарушение порядка связа-

но с нарушением куда более фундаментальных вещей. Если огромные белые дневные облака — аллегория нравственного благородства, то выходит, что добродетель можно воспринимать в цвете?

Искусство раньше всех предвидит великий конец своей эпохи, готовит этот конец и практически осуществляет его. В искусстве варится вся та роскошь, которая занимает людей в их жизни, — изысканные еда и вино, красавицы и роскошные одежды. Все эти вещи жаждут выражения. Формы, которые мгновенно подчиняют себе все в жизни человека. Разве закат не то же самое? И ради чего он существует? На самом деле цели-то у него никакой нет.

Придирчивые эстетические оценки более тонких или второстепенных вещей (я говорю о столь выдержанной линии, которая очерчивает вон то оранжевого цвета облако) соотносятся с универсальностью небесного: внутренние, потаенные свойства, окрасившись, становятся заметными, связанными с внешними признаками, — вот что такое закат.

Другими словами, закат — это экспрессия. И функция заката только в экспрессии.

Испытываемые человеком робость, радость, гнев, огорчения приобретают вселенские масштабы. Невидимые миру цвета человеческого нутра в результате подобной операции расплескиваются по всему небу, становятся внешними атрибутами. Самые незначительные проявления нежности, деликатности оказываются связанными с мировой болью, и страдания в результате множатся сами по себе. Бесчисленные мелкие теории, с которыми люди носятся в своей дневной жизни, оказываются втянутыми во взрывы чувств вселенского масштаба, в блистательную свободу этих чувств, и люди осознают бесполез-

ность различных систем. Это проявляется... длится порядка десяти минут... а потом исчезает.

Закат — это мгновение. Это как полет. Закат порой — крылья нашего мира. Как крылышки колибри, которые переливаются цветами радуги и заметны только тогда, когда птичка машет ими, стараясь втянуть в себя цветочный нектар, так и в мире — в лучах заката можно украдкой подсмотреть полет: все материальное, охваченное восторгом, опьянением, порхает, порхает... а потом падает на землю и умирает.

Хонда, слушая вполуха слова Хисикавы, наблюдал, как небо над другим берегом реки окутывают вечерние сумерки: теперь оставалась лишь слабая полоска света на горизонте.

Так что же, всякое искусство есть закат? А ведь на том берегу храм Утренней Зари!

* * *

Вчера рано утром Хонда, наняв лодку, переправился через реку и посетил храм Утренней Зари.

Время он выбрал самое удачное — как раз перед восходом солнца. Было еще сумеречно, солнце слегка позолотило лишь острые шпили храмовых башен. Заросли кустов вдоль дороги разрывал птичий гомон.

По мере приближения все лучше становилось видно, что башня храма богато инкрустирована плакетками с красным и синим рисунком в китайском стиле. Башня делилась на ярусы, обозначенные перилами: перила на первом ярусе были коричневыми, на втором — зелеными, а на третьем — темно-фиолетовыми. Бесчисленные плакетки-инкрустации изображали цветы: в середине — маленькая желтая тарелочка, а вокруг раскрылись тарелочки-лепест-

ки. Рядом тянулись к небу цветы, где сердцевиной служила перевернутая чашечка бледно-лилового цвета, а на лепестки пошли тарелочки с разноцветным узором. Листвой была черепица. С вершины на четыре стороны свесили свои хоботы белые слоны.

От этой многоликости, от повторяемости узоров захватывало дух. Расцвеченная красками, облитая светом башня состояла из нескольких слоев, к вершине она сужалась, и казалось, будто оттуда стекают сказочные мечты. Подножие круто взмывавшей лестницы тоже было сплошь покрыто цветочным узором, каждый из ярусов башни поддерживали скульптуры птиц с человеческими лицами. Ярусы, нагруженные мечтами, ожиданиями, молитвами, громоздились друг на друга и подбирались к небу. Сотни тысяч тарелочек мгновенно улавливали лучи утренней зари, пробивавшиеся с противоположного берега реки Менам, и превращались в сотни тысяч крошечных зеркал, и все это сияло, как огромная перламутровая раковина.

Эта особенность уже давно отвела башне роль колокола, возвещавшего рассвет. На утреннюю зарю она отзывалась сиянием красок. Башня и создана была затем, чтобы передать силу, значительность, взрыв, которыми сопровождалось зарождение дня.

В охряном пламени отраженной в бурых водах реки Менам утренней зари сверкал ее силуэт — предвестник жаркого дня, обещание того, что сегодняшней день наступит.

* * *

— Храмов, пожалуй, достаточно. Сегодня вечером я поведу вас в интересное место, — сказал Хисикава Хонде, рассеянно смотревшему на тонувший

в сумраке храм Утренней Зари. — Вы видели и Ват По, и Ват Пракео, в Мраморном храме удостоились чести наблюдать посещение храма регентом. Вчера утром съездили посмотреть храм Утренней Зари; если увлечься, продолжать можно бесконечно, вы и так увидели достаточно.

— Да? — неопределенно отозвался Хонда.

Было неприятно, что его отрывают от размышлений, в которые он погрузился.

Хонда думал сейчас о старом дневнике снов Киёаки, который лежал на дне его чемодана: он давно не брал дневник в руки и собирался в путешествии перечитать его на досуге. С тех пор как Хонда сюда приехал, он этого еще не сделал: было жарко, да и лень. Однако яркие тона субтропиков, описанные в одном из снов, были свежи в памяти. Вечно занятый Хонда согласился на поездку в Таиланд не только из-за работы. Через Киёаки он был знаком с двумя сиамскими принцами и в том возрасте, когда люди столь чувствительны, наблюдал со стороны печальный конец любви одного из них к принцессе Йинг Тьян, помнил историю потерянного кольца с изумрудом, и благодаря тому, что Хонда считал себя сторонним наблюдателем, его память заключила неясные картины в прочную, жесткую рамку. Когда-то он решил для себя, что должен посетить Сиам, но с тех пор прошло много времени.

Однако душа сорокасемилетнего Хонды чуралась мелких чувств, и он незаметно привык, встречаясь с чем-то новым, сразу присматриваться, нет ли тут обмана или напыщенности. «То был мой последний порыв», — иногда думал Хонда. Он имел в виду сильное чувство, заставившее его в свое время оставить должность судьи ради того, чтобы спасти Исао, в котором он увидел возродившегося Киёаки...